

1878 год

32

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ
В ЛИТЛГЕМПТОН¹⁴⁰

[Лондон], 17 сентября 1878 г.

Дорогой Фред!

Пишу эти строки до визита на твою квартиру (еще рано); если найду там письмо для тебя, пошлю его в другом конверте.

Известия из Малверна много лучше, так что мне не надо туда ехать; все же для безопасности доктор бывает теперь регулярно каждый день. Я с самого начала предложил эту меру моей жене, чтобы предотвратить, с одной стороны, постоянную преувеличенную панику, с другой — небрежность в отношении больного^{*}; но она и еще больше Женничка упорно возражали против этого, чтобы, как они говорили, «бесполезно» не увеличивать и без того чрезмерно высокие в Малверне счета врачей. Теперь они видят, что я был прав. Равным образом я предписал ежедневную прогулку при хорошей погоде, если только состояние ребенка это позволяет. Это подтвердил также и доктор. Эти прогулки представляют собой единственный отдых для Женнички и являются единственным средством для моей жены — лечению которой сильно повредили постоянные тревоги о ребенке, — чтобы бороться с этими вредными для ее здоровья переживаниями. Пока я там был¹⁴¹, я все это проводил в жизнь.

Г-н Эйленбург (смотри сегодняшние газеты)¹⁴² тоже не хватает звезд с неба^{**}. Я никогда еще не читал ничего более жалкого, чем изложение — квинтэссенция — его речи. Хорош также

^{*} — Жана Лонге. *Ред.*

^{**} Игра слов: Eulenburg (Эйленбург) — фамилия; «Eule» — «сова»; «tragt keine Eulen nach Athen» — буквально: «не возит с собой сов в Афины», здесь: «не хватает звезд с неба». *Ред.*

и Штольберг. Исключительный закон издается для того, чтобы отнять у социал-демократического движения даже видимость легальности¹⁴³. *Probatum est*^{*}. Поставить вне закона — таково было издавна верное средство объявлять противоправительственные движения «противозаконными» и тем самым ограждать правительство от закона — «законность нас убивает»¹⁴⁴. Рейхеншпергер представляет собой рейнского буржуа в партии центра¹⁴⁵. Бамбергер остается верен девизу: «ведь мы всё же собаки»¹⁴⁶!

Бебель явно произвел сильное впечатление (смотри сегодняшнюю «Daily News»).

Это начало хорошее.

Различные английские газеты умудрились расстрелять в Одессе нашего друга Ковалевского. В них он именуется: Дон-Ковальский. Прекрасный анекдот рассказал мне этот толстяк, когда в воскресенье^{**} был у меня. Перед его отъездом должны были экзаменоваться у него несколько кандидатов в «дипломаты» из числа его московских студентов. Среди них немало молодцов, которые намного старше его самого, а именно — черногорцев, получающих свое академическое воспитание за счет Русского *Азиатского* (дипломатического) *департамент*. Эти молодцы отличаются своим тупоумием и пожилым возрастом, как некогда у нас в трирской гимназии выделялись крестьянские олухи, которые готовились к семинарии (католической) и в большинстве своем получали стипендии.

Хотя русские отметки идут от 0 до 5 (для университетских экзаменов), Ковалевский ставит лишь две отметки: четыре тем, кто совсем ничего не знает, и пять тем, кто знает хоть что-нибудь. На последнем экзамене подходит к нему высокий, как столб, тридцатидвухлетний черногорец, один из его слушателей, и говорит ему: я должен получить пять; я знаю, что я ничего не знаю; но, с другой стороны, я знаю, что если «опять» получу четыре, то Азиатский департамент выдаст мне паспорт в Черногорию; *поэтому* я должен получить пять. Он, разумеется, блестяще провалился на экзамене, ибо Ковалевский, как он это объяснил ему также и лично, не усмотрел ни малейшей необходимости в его дальнейшем пребывании в Москве.

Удивительнее всего — как рассказывает Ковалевский, — что все эти парни из Черногории проникаются в Москве фанатичной ненавистью к русским. Они сами наивно рассказывали ему об этом и в качестве мотива приводили то, что рус-

^{*} — Это испытанный прием *Ред.*

^{**} 15 сентября. *Ред.*

ские вообще и русские студенты в особенности относятся к ним плохо и называют их варварами и скотами. Русское правительство, таким образом, достигает как раз обратного тому, что преследует своими «благодеяниями».

То, о чем мы говорили между собой в шутку: русские социалисты совершают «ужасы», а поэтому «законопослушные» германские социал-демократы должны быть поставлены вне закона, — это нелепый Штольберг заявил всерьез. Он забывает только прибавить, что рядом с этими «ужасами» в России существует такая «законность», которая является недостижимым идеалом для заскоружлого юнкера Бисмарка, который стремится своими законопроектами тщетно приблизиться к ней.

Что русские, поддерживаемые Пруссией и Австрией, теперь снова требуют «европейского посредничества», является многозначительным симптомом.

Прощай. Надеюсь, что в Литлгемптоне ты приходишь в себя от недавнего ужасного несчастья. Сердечный привет от Тусси и Ленхен

Твой *Мавр*

*Впервые опубликовано в книге
«Der Briefwechsel zwischen F. Engels
und K. Marx». Bd. IV, Stuttgart, 1913*

*Печатается по рукописи
Перевод с немецкого*

33

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ
В ЛОНДОН

Литлгемптон, 18 сентября 1878 г.
Selborne Cottage

Дорогой Мавр!

По обыкновению я неясно выразился. Я не мог просить тебя заходить ко мне каждый день и присылать мне письма, а потому послал оставшейся дома публике несколько конвертов с адресом, чтобы они могли каждые два-три дня пересылать мне письма. Тебя же я хотел просить поприсмотреть в первые дни, чтобы не завалилось ожидавшееся денежное письмо и чтобы вообще наладилась регулярная пересылка, а затем время от времени просматривать приходящие газеты и другие бумаги (которые, согласно моей инструкции, должны оставаться там) — нет ли среди них чего-нибудь, что требует принятия каких-либо мер. Надеюсь, теперь мы понимаем друг друга.